

Ресъ .

Tragedia quae vocatur Euripidis.

1. Общій взглядъ.

Авторъ „Реса“ неизвѣстенъ. въ немъ хотятъ видѣть то ближайшаго послѣдователя Эсхила, то Софокла, то Еврипида, сына Мнесархова, то Еврипида младшаго, племянника послѣдняго, то, наконецъ, позднѣйшаго александрійскаго эклектика ¹⁾).

При первомъ обзорѣ трагедіи ²⁾ наше вниманіе останавливаютъ два слѣдующихъ обстоятельства: 1) въ ней нѣтъ пролога ³⁾, и она прямо открывается анапестами хора, вступающаго въ разговоръ съ Гекторомъ, и 2) она очень коротка, въ ней всего 996 строкъ, и такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ кратчайшей изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени трагедій античнаго репертуара ⁴⁾).

Чтеніе „Реса“ убѣждаетъ насъ, что сюжетъ трагедіи взятъ изъ

1) Ῥῆσο; δράμα ἀδέσποτον. Текстъ взятъ изъ 3-го изданія Наука Euripidis tragoediae, II.

2) Вопросъ объ авторствѣ разсмотрѣнъ нами ниже.

3) Едва-ли надо доказывать, что „Ресъ“ трагедія, а не сатировская драма, несмотря на остроумные доводы В. Диндорфа (Adnott. ad Eurip. Ochoi. 1840, p. 561) и Шпенглера (De Rheso trag. Dueren. 1857, p. 3, 22).

4) См. Fr. Hagenbach, de Rheso tragoedia. Diss. philol. Basiliae 1863, p. 13 sq.

5) Въ „Эвменидахъ“, кратчайшей изъ драмъ Эсхила, 1048 стиховъ, а въ самой короткой трагедіи Софокла „Трахинянки“ 1278 ст.; наконецъ, въ наименѣе обширной изъ бесспорныхъ трагедій Еврипида „Гераниды“ насчитывается 1055 стиховъ.

Долоніи, то-есть, X-ой пѣсни Иліады, точнѣе, изъ второй ея части (299 sqq.). Поражаетъ также ея сходство съ поэзіей Эхила, особенно съ „Персами“: Ресь—драма *μεστόν Ἄρεος*; съ особой яркостью сказывается это въ концѣ, когда, послѣ жалобъ музы, слышится могучій мажорный аккордъ — призывъ къ битвѣ. При изученіи пьесы нельзя не убѣдиться въ тщательной метрической обработкѣ (и въ ямбахъ и въ лирическихъ размѣрахъ), а также въ нѣкоторой вычурности языка и приподнятости слога: одни видятъ въ этомъ признакъ упадка вкуса и поздней эпохи эклектизма ¹⁾, другіе только признакъ ранней молодости Еврипида и усерднаго подражанія стилю Эхила ²⁾.

Въ эстетическомъ отношеніи „Ресь“ одними критиками безмѣрно унижается, другіе, наоборотъ, ставятъ его очень высоко. Во главѣ группы порицателей стоитъ уже упомянутый Г. Германнъ; онъ выставилъ противъ „Реса“ пять пресловутыхъ орудій: 1) неизобрѣтательность (*imperitia inventionis*), 2) неумѣлое подражаніе Гомеру, 3) желаніе стать въ уровень со старой аттической трагедіей, 4) стремленіе блеснуть разнообразной ученостью и 5) рѣчь, пестрящую рѣдкими и изысканными выраженіями, которыя набирались отовсюду (а. а. о., р. 262 sq.). Эти орудія съ 1828 года не разъ заряжались разноименными послѣдователями Г. Германа ³⁾, какъ противъ „Реса“, такъ еще болѣе противъ его апологетовъ, которые составляютъ небольшую группу (Группе, Фатеръ и Гартунгъ) ⁴⁾.

Чтобы разобраться хоть нѣсколько въ первыхъ двухъ упрекахъ, которые сдѣланы „Ресу“ Германномъ, разсмотримъ разказъ Гомера и затѣмъ развитіе даннаго сюжета въ самой трагедіи, чтобы потомъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ характеровъ и драматическихъ положеній.

¹⁾ Готтфридъ Германнъ. *Opuscula*, III, 1828.

²⁾ Paul Albert въ дисс. о Ресѣ: *De Rheso tragoedia. Diss. inauguralis phil. Halis Saxonum. 1876*, р. 45.

³⁾ Fridericus Lindemannus. *Emendationes ad Rhesum. Zittaviae, 1834.*

Otto Menzer. *De Rheso tragoedia. Berolini, 1867.*

Fridericus Hagenbach. *De Rheso tragoedia. Diss. philolog. Basiliae, 1863.*

⁴⁾ O. F. Gruppe. *Ariadne. 1834*, сс. VII—X.

Fr. Vater. *Euripidis Rhesus cum scholiis et vindiciis tragoediae. Berol. 1837.*
Hartung. *Euripides restitutus. 1844.*

Idem. *Praefatio editionis Engelmannianae. 1852.*

II. Содержаніе X-ой пѣсни Илиады.

Въ ночь, слѣдующую за посольствомъ къ Ахиллесу, Агамемнонь въ своей ставкѣ томится безсонницей: его мучать мысли о тяжеломъ положеніи ахейцевъ; и вотъ онъ видитъ, что въ троянскомъ лагерѣ, который уже совсѣмъ надвинулся на аргосцевъ, происходитъ какая-то суета, мелькаютъ огни. Не спится и другому Атриду, и тоже подъ вліяніемъ страха и сомнѣній. Переговоривъ съ Менелаемъ, Агамемнонь идетъ къ Нестору, чтобы съ нимъ обойти ставки главныхъ ахейскихъ героевъ. Теперь выступаетъ впередъ Несторъ. Онъ поднимаетъ Одиссея, потомъ Діомеда и посылаетъ ихъ скликать другихъ героевъ. Сойдясь на аванпостахъ, вожди застаютъ сторожей бодрыми, но въ тревогѣ. Наскоро устраивается совѣтъ, и Несторъ вызываетъ охотника идти въ троянскій лагерь въ дозоръ. Первымъ выходитъ на зовъ Діомедъ, а въ товарищи ему предлагаютъ себя два Аякса, Меріонъ, одинъ изъ сыновей Нестора, Менелай и Одиссей. Агамемнонь предоставляетъ выборъ Тидиду и, боясь за Менелая, проситъ его не руководствоваться, при выборѣ товарища, знатностью рода. Діомедъ избираетъ Одиссея, и вознеся мольбы Аѳинѣ, герои отправляются въ троянскій лагерь:

βάν ῥ'ἴμεν, ὥστε λέοντε δόω, διὰ νόχτα μέλαιναν,
 ἄμ φόνον, ἄν νέκρας, διὰ τ' ἔντεα καὶ μέλαν αἷμα (297 sq.).

Этими дивными стихами заканчивается первая часть Долоніи, мало связанная съ нашей трагедіей: авторъ, можетъ быть, подражалъ ей, но содержанія изъ нея не заимствовалъ.

Между тѣмъ Гекторъ тоже собираетъ старшинъ на совѣтъ и предлагаетъ лучшую пару лошадей изъ будущей ахейской добычи тому, кто рискнетъ тайкомъ пробраться къ вражескимъ кораблямъ за дозоромъ. На зовъ царя выходитъ Долонъ. При этомъ онъ заставляетъ Приаида поклясться, что колесница Ахиллеса будетъ дана именно ему, Долону. Передѣвши въ волчью шкуру, онъ поспѣшно направляется къ ахейскому стану. Въ полѣ, которое раздѣляетъ два лагеря замѣчаютъ его Одиссей и Діомедъ и, подкарауливъ, схватываютъ. Подвергнутый допросу, Долонъ ищетъ спасенія въ услужливости: онъ открываетъ пароль, расположеніе ставки Гектора, размѣщеніе союзниковъ. Но, несмотря на полную покорность и униженные мольбы, ахейцы убиваютъ его, а сами, оставивъ добычу убито-го на мѣстѣ расправы, спѣшатъ, по добытымъ отъ него указа-

ніямъ, къ еракійскому стану, чтобы завладѣть дивными лошадьми Реса, вновь прибывшаго союзника троянцевъ. Едва достигнувъ лагеря еракійцевъ, Діомедъ, вдохновленный Аеиной, начинаетъ безпощадную рѣзню. Еракійскій царь идетъ въ двадцать третью голову. Діомедъ захватываетъ его среди тяжелыхъ сновидѣній. Одиссей тѣмъ временемъ оттаскиваетъ за ноги трупы, чтобы не пугались ихъ лошади Реса, на которыхъ они сейчасъ поскачутъ обратно въ лагерь.

Вслѣдъ за смертью Реса Аеина напоминаетъ героямъ о возвращеніи, — и рѣзня прекращается. Когда защитникъ Трои, Аполлонъ, видитъ, что Аеина уводитъ убійцъ изъ троянскаго стана, онъ будитъ во еракійскомъ лагерѣ Гиппокоонта, двоюроднаго брата Ресова и его со- вѣтника, а этотъ громкимъ плачемъ собираетъ троянцевъ къ мѣсту рѣзни и грабежа. Между тѣмъ ахейцы, забравъ доспѣхи Долона, благополучно достигаютъ своего лагеря на лошадяхъ невиданной красоты.

III. Обзоръ трагедіи „Ресь“.

Первое дѣйствіе (1—223 ст.) начинается съ обращенія хора къ Гектору. Стражи будятъ его и вызываютъ изъ шатра. Живымъ, встревоженнымъ темпомъ требуютъ они у троянскаго предводителя, чтобы онъ немедленно поднималъ тревогу въ лагерѣ. Гекторъ сначала разсерженъ ихъ безтолковымъ страхомъ, но потомъ, узнавъ, что рѣчь идетъ о какихъ-то приготовленияхъ въ ахейскомъ лагерѣ, ободряетъ стражу. Несмотря на предостереженія болѣе благоразумной партіи караульныхъ, которая, преклоняясь передъ авторитетомъ царя, все же боится его излишней горячности, Гекторъ готовъ собирать войско теперь-же, ночью, и дать ахейцамъ сраженіе у самыхъ кораблей. Ему слишкомъ дорого стоило десятилѣтнее стояніе этихъ разбойниковъ около Трои, чтобы онъ отпустилъ ихъ безъ расплаты, не забравъ плѣнныхъ. Между тѣмъ на шумъ у шатра приходитъ Эней и, узнавъ въ чемъ дѣло, цѣлымъ рядомъ соображеній, поддержанный старикомъ корифеемъ, заставляетъ Гектора перемѣнить рѣшеніе. По совѣту Энея, Гекторъ вызываетъ охотника въ дозоръ. Выходитъ Долона. Онъ, повидимому, поощряется къ своему подвигу желаніемъ послужить родной землѣ, какъ представитель славнаго троянскаго дома; онъ смущенъ словами царя, что, кажется, одинъ онъ, Гекторъ, долженъ работать на союзниковъ и на Трою. Но въ троянцѣ говорить при этомъ также честолюбивая надежда править когда-нибудь

божественными конями Ахиллеса, и, когда Пелидь общается ему — не без колебанія — эту драгоценную добычу (онъ давно мечталъ о ней и самъ), у Долона какъ будто вырастаютъ крылья. Онъ уже не сомнѣвается ни въ удачѣ своего предпріятія, ни въ успѣхѣ своей выдумки—переодѣтъя волкомъ и гордо общается сегодня-же, еще до зари, принести въ лагерь голову Атрида или Одиссея, въ знакъ того, что онъ точно побывалъ въ аргосскомъ лагерѣ.

Первый музыкальный антрактъ (224 — 232 = 233 — 241; 242 — 252 = 253 — 263) раздѣляется на двѣ строфическихъ пѣсни и тѣсно примыкаетъ къ 1-му дѣйствию по содержанію. Въ первой части хоръ молить Аполлона, вышняго создателя и покровителя Трои, охранять Долона и доставить его обратно въ лагерь, а потомъ, когда ахейцы ушлывуть на родину, дать ему въ награду высокое наслажденіе править божественными конями Ахиллеса.

Во второй части говорится о томъ, что въ бурное время мало встрѣтишь въ странѣ людей бодрыхъ духомъ (*σπανία τῶν ἀγαθῶν*); но хореуты останавливаютъ себя на этихъ печальныхъ мысляхъ, рисуя картину мщенія: для начала, сегодня вернется Долонъ съ головою Агамемнона и отдастъ эту голову Еленѣ, пусть оплачетъ злополучнаго зятя.

Второе дѣйствіе (264 — 341) открывается появленіемъ пастуха вѣстника. Гекторъ сначала недоволенъ:

ἦ πόλλ' ἀγρόσταϊσιν σκαῖά πρόσχεται φρενί—266;

онъ думаетъ, что пастухъ пришелъ толковать съ нимъ о своихъ пастушескихъ дѣлахъ, но *σκαῖός βοτήρ* сулитъ царю *κἄνθοῦς λόγους* и, дѣйствительно, разказомъ о встрѣчѣ съ Ресомъ примиряетъ Гектора съ своимъ появленіемъ.

Эта первая *ἀγγελικὴ ῥῆσις* нашей трагедіи своей живостью и образностью, несмотря на нѣкоторую манерность выраженій ¹⁾, напоминаетъ сильнѣйшую сторону творчества Еврипида (ср. разказы вѣстниковъ въ „Вакханкахъ“, Талтибія въ „Гекубѣ“). Гекторъ гордо отказывается отъ запоздавшихъ услугъ Реса, который, по его словамъ, торопится „къ пиру послѣ лова“. Но потомъ, подъ вліяніемъ убѣжденій корифея и пастуха, онъ приглашаетъ еракійца, хотя онъ, Гек-

1) ἀνιστόρησα Ὀρχηλοῖσι προσφθέμασιν—297
 πῶλων... χιόνος ἐξαυγεστέρων—304
 πέλτης... χρυσοκόλλητος τύπος—305.

торь, вовсе не нуждается въ его услугахъ наканунѣ, даже въ самый день, можетъ быть, окончательной побѣды.

Второй музыкальный антрактъ состоитъ изъ двухъ строфическихъ пѣсень и заключительнаго припѣва, начинающаго собою слѣдующій актъ (342—350=351 — 359; 360—369 = 370—379; 380 — 387). Онъ искусно смыкаетъ второе дѣйствіе съ третьимъ. Сначала хоръ боится высказать свою радость и просить Судьбу, дочь Зевса, удалить зависть отъ прославленія новаго союзника, къ которому хореvты готовы приступить. Божественное рожденіе Реса, его блестящее и чудесное появленіе въ троянскомъ лагерѣ вызываютъ хоръ на сравненіе героя съ молніеносцемъ

ὁ μοι Ζεὺς ὁ φαναῖος
ἦχαις . . . 355 sq.

Во второй части хоровой пѣсни, въ строфѣ Троянцы мечтаютъ о свѣтлыхъ дняхъ недалекаго мира и молятъ боговъ, чтобы и могучему защитнику ихъ, Ресу, данъ былъ счастливый возвратъ на родину; въ антистрофѣ воображеніе рисуетъ хореvтамъ столкновеніе двухъ блестящихъ героевъ, Реса и Пелида, послѣ котораго едва ли кто отважится на бой съ троянскимъ гостемъ. Въ эподѣ (припѣвѣ) хоръ восторженно привѣтствуетъ входящаго Реса, приглашая окружающихъ любоваться на его мощное тѣло, закованное въ золото, ласкать слухъ звономъ его золоченныхъ доспѣховъ.

Третье дѣйствіе (388—526 ст.) — сцена между Гекторомъ и Ресомъ. Почтительно и радостно подходит ѳракіецъ къ троянскому царю: онъ такъ доволенъ успѣхами Гектора, онъ весь горитъ желаніемъ вмѣстѣ съ нимъ нанести рѣшительный ударъ ненавистнымъ грекамъ. Но Гекторъ отвѣчаетъ ему мрачно, съ глубокой, давно накопившейся горечью. Онъ говоритъ только правду и чуждъ двуличности (*χὸς διπλῶς πέφοκ' ἀνὴρ*). Намекъ на сладкорѣчивую мать Реса звучитъ явной ироніей. Гекторъ упрекаетъ Реса за поздній приходъ: не онъ-ли, Гекторъ, выручилъ его въ трудную минуту, и не только выручилъ, а даже сдѣлалъ его изъ мелкаго князька царемъ ѳракіи. А какъ заплатилъ Ресь Гектору за битву у Пангея? Здѣсь фантазія троянскаго царя распаляется картинами роскоши, въ которой утопалъ Ресь, пока люди, совершенно чужіе для Трои, боролись и умирали подъ ея стѣнами (можетъ быть, фантазію Гектора поддерживаетъ блестящая обстановка Реса). ѳракіецъ успокаиваетъ царя: только трудная война со скивами задержала его приходъ; зато ни на минуту не далъ онъ

себѣ отдыха, когда кончилъ скиескую войну; а переходъ былъ долгій и трудный—лишенія, а не роскошь выпали на долю Реса, пока союзники воевали подъ Троей. Въ заключеніе Ресь просить у Гектора одинъ день для единоличной расправы съ ахейцами. Хоръ замыкаетъ восторженную рѣчь оракійца, моля Зевса удалить зависть отъ его словъ; о, если-бы могли троянцы увидѣть этотъ день страшной расплаты ¹⁾! Ресь между тѣмъ увлеченъ своими мечтами. Онъ предлагаетъ Гектору, расправившись съ ахейцами здѣсь, нанести имъ окончательный ударъ въ Элладѣ. Но Гекторъ охлаждаетъ его пылъ: пусть дадутъ ему боги избавленіе отъ настоящаго зла, и онъ воздастъ имъ славу, а Элладу разорять не оракійцамъ: онъ, Гекторъ, узналъ силу грековъ. На нетерпѣливыя и ироническія выходки Реса Гекторъ отвѣчаетъ съ горделивой сдержанностью. Онъ разказываетъ ему и о греческихъ герояхъ и, главнымъ образомъ, объ Одиссеѣ, причемъ экспансивный Ресь осуждаетъ его за коварство и козни и обѣщаетъ отдать на съѣденіе коршунамъ, прибывъ къ городскимъ воротамъ. Наконецъ, Гекторъ останавливаетъ его; онъ даетъ Ресу полную свободу: пусть завтра сражается съ ахейцами, гдѣ и какъ хочетъ, а теперь надо отдохнуть. Сказавъ оракійцу пароль, онъ уводитъ его съ собой, чтобы показать ему мѣсто для лагеря. Уходя, Гекторъ приказываетъ хору не спать и дожидаться Долона.

Третій музыкальный антрактъ (527 — 545 = 546 — 564). На фонѣ хоровой пѣсни, поэтически передающей чувства, возбуждаемая картиной ночи передъ разсвѣтомъ (въ началѣ строфы говорится о звѣздахъ—небесныхъ предвѣстницахъ утра, а въ началѣ антистрофы—о соловьиной пѣсни и свирѣли—предвѣстницахъ утра на землѣ), идетъ живая бесѣда между караульными: въ строфѣ перечисляется порядокъ стражъ, въ антистрофѣ—выражается страхъ за судьбу Долона.

Четвертое дѣйствіе (565—691) начинается съ разговора между Діомедомъ и Одиссеемъ, которые потихоньку пробираются къ шатру Гектора: они узнали отъ Долона и расположеніе этого шатра, и пароль. Діомедъ уже заноситъ мечъ, готовясь нанести спящему Гектору смертельный ударъ, но къ своему удивленію видитъ, что Гектора въ шатрѣ нѣтъ. Чуя

¹⁾ Строфа 454—466; антистрофу къ ней мы находимъ черезъ 366 строкъ. Этотъ искусственный приемъ не переданъ въ нашемъ переводѣ. Въ эстетическомъ отношеніи, это соответствіе было-бы тоже, что приема черезъ 10 строкъ.

недоброе и торопливо обмѣниваясь замѣчаніями (Диомедъ не хочетъ, чтобы мечъ былъ оточенъ даромъ), они уже готовы уйти изъ стана, но Аѳина преграждаетъ имъ путь. Она приказываетъ героямъ идти во еракійскій лагерь и убить Реса: если имъ не удастся избавить своихъ отъ этого могучаго пришельца, то на завтра самъ Ахиллесъ ничего не подѣлаетъ. Для возбужденія ихъ энергіи она сулитъ имъ лошадей Реса. Герои наскоро распредѣляютъ роли: убить Реса долженъ Тидидъ, труднѣйшая же задача, осторожно угнать лошадей, будетъ лежать на Одиссеѣ. Между тѣмъ къ палаткѣ Гектора пробирается Парисъ: онъ смущенъ пролетѣвшимъ по лагерю слухомъ объ ахейскихъ лазутчикахъ.

Чтобы обмануть бдительность царскаго брата, Аѳина является ему въ видѣ Киприды, его исконной покровительницы, и ободряетъ Приаида надеждой на полное торжество Трои: она привела къ Иліону новаго друга, могучаго сына сладкогласной музы. Парисъ уходитъ, успокоенный, а между тѣмъ Аѳина является еще разъ въ прежнемъ видѣ и торопитъ вернушагося отъ еракійцевъ Одиссея идти къ кораблямъ. Но Одиссей запоздалъ: караульные схватываютъ его, и онъ на волосокъ отъ смерти. Только царь спасаетъ его отъ сторожей. Увѣривъ ихъ, что онъ, также какъ они, ищетъ злодѣя, проникшаго въ лагерь, Одиссей бѣжитъ и скрывается. Солдаты стоятъ въ недоумѣніи: они чувствуютъ, что попались въ ловушку. Начинается.

Четвертый музыкальный антрактъ (692—709—710—727). Въ строфѣ сначала идутъ предположенія о томъ, кто-же былъ этотъ упущенный ими лазутчикъ, гдѣ его родина, какого бога онъ признаетъ высшимъ ¹⁾. Но вотъ кто-то догадывается, что это былъ Одиссей, и далѣе въ живомъ обмѣнѣ полустрокъ хоревты поносятъ Одиссея. Въ антистрофѣ сначала идутъ воспоминанія о козняхъ Одиссея въ Троѣ, а затѣмъ въ живомъ обмѣнѣ полустрокъ страхъ передъ Гекторомъ вытѣсняетъ изъ души караульнаго все только что волновавшія ее чувства: и недоумѣніе, и негодованіе противъ Одиссея.

Пятое дѣйствіе (728 — 881) начинается со стоновъ и громкихъ жалобъ раненаго возницы, которые несутся изъ-за сцены. Не понимая, въ чемъ дѣло, хоревты думаютъ сначала, что по-

¹⁾ ποῖον ἐπέθευται τὸν βλαπὸν θεόν;—686. Беригарди не безъ сарказма спрашиваетъ по поводу этого стиха: Fragte man schon damals nach der Confession? (cf. P. Albert l. c. p. 18).

пался лазутчикъ, но когда еракіецъ появляется на сценѣ, они мало по малу уясняютъ себѣ дѣло: союзники потерпѣли поражение. Возница начинаетъ свой патетическій и прекрасный разказъ — центръ пьесы. Передъ нами ярый противникъ Трои: можетъ быть онъ и ранѣе отговаривалъ Реса отъ похода ¹⁾. Теперь, въ полчаса, пережитые имъ послѣ катастрофы, для него многое выяснилось, — мысли толпятся въ его головѣ и просятся наружу. Накопившаяся въ сердцѣ горечь придаетъ обманчивую, минутную силу голосу и ясность сознанию. Онъ начинаетъ съ горькаго признанія безславной и позорной гибели еракійцевъ. Далѣе идетъ самый разказъ. Ресь и его войско слишкомъ довѣряли троянскому царю, мощному и гордому новыми побѣдами: онъ такъ давно приглашалъ ихъ въ свой станъ,—и вотъ въ эту первую ночь они разлеглись какъ попало, безъ всякихъ предосторожностей. Но чуткій сонъ возницы былъ прерванъ появленіемъ людей, которыхъ онъ принялъ за лагерныхъ воровъ; онъ далъ на нихъ грозный окликъ и успокоился. Далѣе слѣдуетъ превосходное описаніе тревожнаго сна съ его яркимъ сновидѣніемъ и ужаснымъ пробужденіемъ. Когда разказъ доходитъ до того, какъ его самого ранили, возница прерываетъ свою рѣчь болѣзненными стонами (тонкая психологическая черта—боль усилилась при воспоминаніи).

Въ заключеніе своего разказа возница дѣлаетъ намекъ на предательство Гектора. Но корифей указываетъ ему на входящаго царя: самая мысль о возможности предательства со стороны троянцевъ, кажется, должна исчезнуть при взглядѣ на омраченнаго повелителя Трои. Не замѣчая раненаго, Гекторъ раздражается упреками противъ сторожей. Онъ клянется, что жестоко накажетъ ихъ. Робко, но вмѣстѣ настойчиво оправдываются сторожа: гнѣвъ Гектора напрасень—онъ не можетъ упрекнуть ихъ ни въ сонливости, ни въ небрежности. Возница прерываетъ сторожей.

Зачѣмъ эти упреки? Кому хотеть отвести глаза хитрый варваръ? Нѣтъ, это онъ, Гекторъ, убилъ Реса и его свиту: онъ давно уже зарился на царскую запряжку. Обстоятельства и въ самомъ дѣлѣ сложились противъ Гектора. Зачѣмъ было ахейцамъ, щадя испытанныхъ и страшныхъ враговъ, накидываться на пришельцевъ, да и какъ добрались они до стоянки еракійцевъ, когда о ней знали одинъ

¹⁾ Ср. въ словахъ музы ниже v. 900 sq.: ἀπο μεταφωμένως ἐπιὸν πορευθεῖς,
ἀπὸ δ' ἀντομένου πατρός

Гекторъ. Гордо выслушиваетъ троянскій царь упреки еракійца: „съ тебя, что-ли, начнемъ мы выслушивать всякй вздоръ?“ спрашиваетъ онъ у возницы. Между тѣмъ чрезмѣрное напряженіе силъ сказывается: еракіецъ истекаетъ кровью и заочно прощается съ родиной. Но Гекторъ не хочетъ даромъ увеличивать число жертвъ

ἄλις γὰρ τῶν τεθνηκότων ὄχλος — 870 ¹⁾).

Онъ готовъ дать лѣкарство и приютъ человѣку, который, по невѣдѣнію, только что поносилъ его. Лишаясь чувствъ, раненый призываетъ божественную мечь на голову убійцы Реса, Гекторъ же со спокойнымъ достоинствомъ приказываетъ слугамъ унести больнаго въ домъ и содержать его тамъ получше, а мертвыхъ похоронить съ честью около большой дороги.

Исходъ трагедіи (882 u. a. f.) открывается словами хора. Черныя предчувствія мучатъ стражей: не ведеть-ли другой богъ Трою изъ великаго благополучія къ прежней скорби. Ихъ размышленія прерываются появленіемъ ех машина Музы ²⁾ съ тѣломъ Реса: священная дрожь охватываетъ троянцевъ при видѣ божества — они боятся его мести и вмѣстѣ ждуть разгадки таинственной смерти еракійца Муза открываетъ, кто она и кто для нея убитый, и пророчить гибель убійцѣ Реса, коварному Одиссею ³⁾. Потомъ, послѣ ерена надъ тѣломъ Реса, съ проклятіемъ Еленѣ въ антистрофѣ, она рассказываетъ о томъ, какъ стала матерью Реса и какъ знала заранѣе о судьбѣ его подъ Троей. Она открываетъ имена убійцъ—Диомедъ и Одиссей,—но объясняетъ, что они были только орудіемъ въ рукахъ Аѳины, которая, убивъ Реса, выказала, въ лицѣ его матери, черную неблагодарность музамъ, покровительницамъ ея города.

¹⁾ Странно звучитъ замѣчаніе Hagenbach'a по поводу этихъ словъ, которыя онъ считаетъ ridicula въ устахъ Гектора. Развѣ Гекторъ не высказывалъ того же самаго ранѣе въ разговорѣ съ Ресомъ:

εἰ τοῦ παρόντος τοῦδ' ἀπαλλαγθεῖς κακοῦ
πόλιν νομοίμην ὡς τὸ πρὶν ποτ' ἀσφαλῆ
ἢ χάριτα πολλὴν θεοῖς ἂν εἰδείην χάριν 474—476.

²⁾ Терпсихоры или Калліопы?

³⁾ ...ὄν ποθ' ὁ κτείνας χρόνον
δόλιος Ὀδυσσεὺς ἀξίαν τίσει δίκην 893—4.

Едва-ли въ наименованіи убійцей Одиссея надо видѣть противорѣчіе съ Гомеромъ и съ уговоромъ между ахейцами въ 4-мъ дѣйствиіи (624 sqq.). Ср. также ниже 939 sq.

Рѣчь музы прерывается корифеемъ, который съ облегченнымъ сердцемъ повторяетъ Гектору слова музы, снимающія съ троянцевъ подозрѣнiе въ убійствѣ Реса. Если сторожа прежде всего отмѣтили въ пышныхъ словахъ музы указанiе на убійцу, то Гектора задѣлъ упрекъ въ томъ, что онъ зазывалъ Реса подъ Трою

...ἀλλά σ' Ἑκτορος
 πρεσβέυμαθ' αἶ τε μορία γερουσία
 ἔπεισαν ἔλθεῖν κάπικουρήσαι φίλοις 935—7.

Да, онъ звалъ еракийца: но когда-же и обращаться къ друзьямъ, какъ не въ трудную минуту? Во всякомъ случаѣ онъ оплакиваетъ смерть Реса и устроить ему пышное погребенiе. Но муза отвѣчаетъ Гектору, что ему не придется хоронить своего погибшаго союзника: онъ не умретъ, а останется на вѣки пророкомъ Вакха и стражемъ пангейскаго золота; тамъ въ пещерахъ

ἀνθρωποδαίμων κείσεται βλέπων φάος 971.

Въ экстазѣ пророчить она въ заключенiи своего монолога участь Реса—Ахилесу, а Θетидѣ—свои слезы.

Заря охватываетъ небо, и видѣнiе исчезаетъ. Корифей выводитъ Гектора изъ его задумчивости и зоветъ на военную работу. Гекторъ, сбросивъ кошмаръ ночи, быстро отдастъ приказанiя и уходитъ къ войскамъ. Погибли и Ресь, и Долонъ, но битва сейчасъ-же начнется. Вслѣдъ за Гекторомъ подъ звуки заключительнаго марша (анapestы) уходитъ и хоръ.

Если сопоставить два послѣднiе стиха трагедiи

...τάχα δ' ἂν νίκην
 δοίη δαίμων ὁ μεθ' ἡμῶν 995—6

съ тѣми, которыми начинается исходъ (882 — 4), и гдѣ хоръ ждетъ новой печальной перемѣны, то въ финальномъ аккордѣ намъ будетъ невольно слышаться: Ave, Hector, morituri te salutant.

IV. Разборъ трагедiи.

Займемся прежде всего сюжетомъ нашей трагедiи. Бернгарди (Litteraturgesch. II, 2, 496) считаетъ легенду Реса совершенно непригодной для трагическаго изображенiя за отсутствiемъ въ ней элементовъ нравственной запутанности (Verwicklung) и патетическаго мотива. Это

мнѣніе раздѣляется, кажется, всѣми порицателями „Реса“¹⁾. Но мнѣ кажется, что въ этомъ утвержденіи есть коренное недоразумѣніе. Главный герой трагедіи вовсе не Ресь, а Гекторъ; а судьба Гектора, въ частности тотъ моментъ, который изображенъ въ трагедіи „Ресь“, заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для трагическаго изображенія. Кромѣ того едва-ли и самая легенда Реса безусловно не пригодна для трагедіи, особенно если расширить требованія для этого рода произведеній, какъ это дѣлають критики Реса²⁾.

Что касается характеровъ, которые, по ученію Аристотеля, должны въ трагедіи превышать обычный уровень, то, конечно, и Ресь, и Гекторъ, и возница еще менѣе подходятъ къ сатировской драмѣ, чѣмъ персонажи „Алкесты“ и „Гераклидовъ“.

Но обратимся къ сюжету. Легенда Реса мало привлекала поэтовъ въ древности. Гомеръ говоритъ о Ресѣ мимоходомъ; онъ говоритъ болѣе о подвигѣ Діомеда, чѣмъ о гибели еракійца. Подвиги Реса воспѣвались Пиндаромъ. Затѣмъ, повидимому, два раза Ресь дѣлался героемъ трагедіи, причѣмъ одинъ разъ воспользовался его легендой „трагикъ изъ трагиковъ“ (ὁ τραγικώτατος) Еврипидъ, сынъ Мнесарха: это не подлежитъ сомнѣнію³⁾. Наконецъ, римскій поэтъ Акцій посвятилъ легендѣ Реса трагедію *Nyctegresia* (или *Nyctegersia*), отъ которой до нашего времени уцѣлѣло 10 строкъ⁴⁾.

Затѣмъ, сюжетъ и основной мотивъ произведенія, конечно, далеко не всегда опредѣляютъ его форму. Напримѣръ, изъ одного и того-же основнаго мотива вполне естественно развились у Шекспира „Макбетъ“, —ein echtes Heroenstück, у Пушкина — Борисъ Годуновъ, со всѣмъ не трагедія даже, а скорѣе грандіозная драматическая картина суда Божія и народнаго. Есть, мнѣ кажется, три рода драматическихъ сюжетовъ. Первый—это классическіе сюжеты трагедій, какъ въ „Медеѣ“ или „Антигонѣ“: самая легенда даетъ узелъ трагедіи, коллизія готова, и притомъ коллизія чисто трагическая. Второй родъ, это—сюжеты, въ которыхъ тоже дана коллизія, но только безъ тра-

¹⁾ Такъ Fr. Hagenbach l. c. p. 23 говорятъ: *Iam primo obtutu apparet Dooloniae materiam tragoediae non convenire.*

²⁾ *Quod enim summum praecipuum est, ut metum moveat poeta et misericordiam ut incendet inflammetque animos, denique eos liberet metu, frustra quaeremus in hac fabula.*—Hagenbach. l. c. p. 23; cf. Menzer. l. c. p. 6.

³⁾ Остаются лишь вопросомъ, была-ли трагедія Еврипида затеряна, или извѣстная намъ теперь, дѣйствительно принадлежитъ ему.

⁴⁾ См. Vaterus. *Vindiciae*. p. XXX. O. Ribbeck. *Trag. lat. rell.* p. 170 sq.

гическихъ элементовъ: такова исторія Гигеса и Кандавла, которую разказываетъ Геродотъ въ первыхъ главахъ своей исторіи (I, VIII—XII), или приключенія Одиссея у Полифема (Од. IX). Есть, наконецъ, третій родъ легендъ, гдѣ мы видимъ одни намеки на трагическую коллизію, гдѣ ее надо отыскивать: таковы сюжеты „Елены“, „Алкесты“. Таковъ и сюжетъ „Реса“. По моему, въ основѣ трагедіи „Ресь“ слѣдуетъ видѣть легенду о переломѣ въ судьбѣ осажденной Трои, о которомъ Гомеръ разказываетъ въ X пѣснѣ Илиады, и съ этой стороны сюжетъ „Реса“ нельзя не признать въ высшей степени драматичнымъ. Авторъ трагедіи, повидимому, разсматривалъ Гомеровскій эпизодъ убійства Реса именно съ этой стороны, считая его центральнымъ, поворотнымъ для послѣдняго года осады. И въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ Илиадѣ, то убѣдимся, что еще ни разу тревога и отчаяніе не охватывали ахейцевъ въ такой мѣрѣ, какъ въ ночь, слѣдующую за неудачнымъ посольствомъ къ Пелиду; никогда еще лагерь троянскій такъ не надвигался на греческій, а тутъ вновь прибывающіе союзники, о которыхъ ахейцы ничего достойнаго узнать не могутъ — этотъ камень за пазухой у Гектора. Аѣина совсѣмъ подпустила разгоряченнаго успѣхомъ троянца къ призовому столбу, чтобы однимъ ударомъ далеко отбросить его назадъ, и этотъ ударъ, конечно, не что иное, какъ смерть Реса. Еще много блестящихъ побѣдъ одержитъ Гекторъ, но онъ не будетъ болѣе, вызывая лазутчиковъ, заранѣе дѣлить ахейскую добычу; много неудачъ и потерь переживутъ ахейцы, но они уже не будутъ собираться бѣжать изъ-подъ Трои. Въ XIV пѣснѣ Гера во-время усыпить державнаго покровителя троянцевъ, а въ XVIII, пусть Патроклъ убить и троянцы увѣнчались блестящею побѣдой, — колчаногій Гефестъ изготовить для Пелида его несокрушимый щитъ и панцырь: уже не далека, уже неизбежна смерть Гектора. Въ смерти Реса, какъ ни ничтоженъ, повидимому, этотъ эпизодъ среди событій великой драмы столкновенія востока съ западомъ, прошедшаго съ будущимъ, — въ смерти Реса заключается, какъ въ зернѣ, гибель Трои.

На почвѣ троянской трагедіи развивается нѣсколько личныхъ, частныхъ трагедій, переживаемыхъ въ эту тревожную, фантастическую и кровавую ночь и Гекторомъ, и Ресомъ, и возницей, и музой.

Центральное лицо, конечно, Гекторъ, потому что Гекторъ это то же что Троя, потому что думы, слава, спокойствіе, самая смерть троян-

скаго героя неразрывно и безраздѣльно связаны съ судьбой его рода: въ этомъ и сильная и слабая сторона Гектора, какъ трагическаго героя. Въ Гекторѣ нѣтъ рѣзко очерченной индивидуальности, не даромъ онъ не ахеецъ, — въ немъ нѣтъ ни высококомѣрнаго честолюбія Агамемнона, ни причудливаго соединенія тревожной, пытливой мысли съ ледянымъ мужествомъ, какъ въ Одиссеѣ, въ немъ нѣтъ страстной гордости Ахиллеса; безъ славолюбія, безъ хищныхъ замысловъ, не дипломатъ, не политикъ, — онъ является самоотверженнымъ *борцомъ*, неустаннымъ *работникомъ* Трои: *φιλόπολις, εὐεργέτης τῆς γῆς* — эти эпитеты, прилагаемые Гекторомъ къ Долону, лучше всего могли бы быть отнесены именно къ нему. Чего добивается Гекторъ? Мы уже видѣли это:

Пусть боги только возвратятъ
Спокойствіе въ измученную Трою,
Осаду снимутъ только, и воздамъ
Я славу имъ!

отвѣчаетъ онъ Ресу, а далѣе говорить ему-же:

Довольно, Ресь! Да, я — троянскій царь,
И царства моего съ меня довольно.

Горечь, которую испытываетъ Гекторъ, происходитъ отъ сознанія, что онъ совершенно одинокъ, какъ работникъ;

Молчите вы?

спрашиваетъ онъ у окружающихъ, вслѣдъ за вызовомъ лазутчика,

иль долженъ я одинъ
Работать на союзниковъ и Трою.

Самое высококомѣріе Гектора есть законная гордость работника.

На стражѣ Гекторъ — Троя можетъ спать. Троянецъ, по контрасту съ Ресомъ, невольно возникающему въ нашемъ умѣ, уже не молодецъ, и въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ отчасти „старога казака“ нашихъ былинъ, человѣка опытнаго, неустаннаго, прямога, лишеннаго всякой хищности и при этомъ неотдѣлимаго отъ своего народа и своего труднаго служилаго дѣла.

Какъ центръ трагедіи, Гекторъ является и центромъ нападокъ эстетическихъ критиковъ „Реса“. Одинъ изъ самыхъ характерныхъ приговоровъ надъ троянскимъ патриотомъ мы находимъ въ диссертациі Гагенбаха: „Онъ ни на чемъ не можетъ остановиться, имъ управ-

ляють совѣты и рѣчи хора, Энея, возницы. Какъ варварь, онъ старается угрозами жесточайшихъ наказаній и неслыханной хвастливостью поправить то, что испортила его взбалмошность, безразсудство или просто глупость (*sarcire studet, quae temeritate, consilii inopia, vel omnino stultitia nocuit—a. a. o. p. 23*)¹⁾.

Дѣйствительно, что за герой Гекторъ? его будятъ солдаты; а вотъ у Гомера такъ Агамемнону не даютъ спать собственныя мысли, его никто не будить. Не знаю, почему бѣльшій героизмъ обнаруживаетъ тотъ, который не спитъ, обдумывая побѣгъ, чѣмъ тотъ, который, проснувшись, готовъ тотчасъ-же вступить въ битву? Далѣе, показываетъ-ли вниманіе къ совѣтамъ безволіе, безхарактерность? Значить, Пентей, котораго никто и ничто не можетъ заставить одуматься и даже призадуматься, пока онъ еще не опутанъ божественными чарами Діониса, болѣе сильный характеръ, чѣмъ Геркулесъ, который допускаетъ, чтобы Тезей увелъ его въ Аѳины? Кромѣ того, не являются ли иногда совѣты, убѣжденія, напоминанія въ античной драмѣ просто условнымъ, аналитическимъ приѣмомъ изображенія! Напримѣръ, Гекторъ даетъ корифею и пастуху уговорить себя послѣ отказа принять Реса. Но мѣняется ли при этомъ его настроеніе, его отношеніе къ пришельцу, роль, которую онъ мысленно удѣляетъ Ресу въ завтрашней побѣдѣ? Нисколько. Они не мѣняются даже послѣ разговора съ Ресомъ. Слова пастуха и корифея выражаютъ лишь общее настроеніе троянцевъ и служатъ какъ бы внѣшнимъ поводомъ для появленія Реса на сценѣ: воля Гектора и его взгляды тутъ рѣшительно не причемъ.

Таково же отношеніе Энея къ Гектору: мы имѣемъ въ Энеѣ и Гекторѣ обычную пару, такъ сказать, античную поэтическую формулу: въ родѣ Нестора (*resp.* Одиссея) и Діомеда, Кадма и Пентея, (мужа совѣта и мужа битвы). Заключать отъ совѣтовъ Энея или пастуха къ безволію Гектора, конечно, не основательно. Но, съ другой стороны, это отсутствіе въ Гекторѣ слѣднаго упрямства мнѣ кажется очень характернымъ для человѣка, всецѣло преданнаго общему дѣлу. А развѣ работникъ, исполнитель по преимуществу не можетъ стоять въ центрѣ трагедіи? Развѣ не таковъ и Гераклъ?

Одинъ проницательный критикъ²⁾ видитъ глупость Гектора, между прочимъ, въ томъ, что онъ счелъ суету въ лагерѣ грековъ признакомъ

¹⁾ Ср. O. Menzer De Rheso trag. Berol. 1867, p. 15 sqq.

²⁾ O. Menzer a. a. o. p. 15,

ихъ сборовъ въ обратный путь. По мнѣнію просвѣщеннаго филолога, снаряженіе кораблей должно бы было, наоборотъ, совершаться въ глубокой тьмѣ: вѣдь для того и выбрана была ночь. Это соображеніе Menzer'a совершенно безопасно для репутаціи Гектора. Да развѣ можно снарядить корабль въ полной тьмѣ? И развѣ оттого выбрана была греками ночь, что они хотѣли уйдти незамѣтно? нѣтъ, они искали времени, когда Гекторъ менѣе всего можетъ помѣшать ихъ побѣгу, а вовсе не думали играть съ нимъ въ прятки. Вѣдь это-то и разъясняетъ Эней въ рѣчи, обращенной къ Гектору.

Взбалмошность ¹⁾ Гектора хотять видѣть въ его сценѣ съ пастухомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли встрѣчать вѣстника такой обидной сентенціей, какъ

ἦ πόλλ' ἀγρώσταϊς σκαῖά πρόσκειται φρενί'.

Не выслушавъ даже начала разказа, при первомъ возвѣщеніи счастья, Гекторъ уже вообразилъ, что пастухъ можетъ говорить только о счастливомъ приплодѣ, о событіяхъ стойла. Мнѣ кажется, что выходка Гектора вполнѣ естественна. Пастухъ пришелъ въ такую минуту, когда царь ждалъ опредѣленныхъ новостей изъ ахейскаго лагеря, когда каждая минута у него была на счету. Вѣдь онъ отнюдь не измѣнилъ своего первоначальнаго намѣренія затѣять битву у кораблей теперь же, ночью, несмотря на совѣты мудраго Энея и гаданія жрецовъ: ему надо было только убѣдиться, что греки точно приготовились къ побѣгу. Что же касается до „σκαῖός βοτήρ“, то несмотря на важность сообщенной имъ вѣсти, онъ, заслышавъ приближеніе чужеземцевъ, прежде всего дѣйствительно испугался:

μή τις Ἀργείων μόλη
λεηλατήσων καὶ σὰ πορθήσων σταθμά,

и этимъ доказаль свою σκαῖότης. Евстаθій (р. 808, 56), говоря еще о томъ фактѣ, что Гекторъ обѣщаль Долону колесницу Ахиллеса, утверждаетъ, что, по мнѣнію древнихъ, μωρότερον εἶναι τοῦ αἰτήσαντος Δόλωνος τὸν ὁμῶσαντα "Ἐκτορα ὡς ἤδη καὶ τοὺς Ἀχαιοὺς ἐλόντα καὶ τοῦ Ἀχιλλέως περιγεγόμενον. Бекъ, приводя эти слова, пользуется ими для униженія Гектора трагическаго передъ Гекторомъ эпическимъ. Гомеровскій Гекторъ, по его мнѣнію, tantum haecenus promittit, si vic-

¹⁾ D. Chr. Beck. Exercitatio critica de Rhese, suppositio Euripidis dramate Lipsiae, 1780, p. 22.

tus fuerit Achilles. (I. с. 22. п. 9). Но какъ же понять тогда II, X, 332

Ὡς γὰρ καὶ ῥ' ἐπίορχον ἐπόμοσε.

Вѣдь тогда не за что было обвинять Гектора въ нарушении клятвы.

Гомеръ, какъ извѣстно, изображалъ Гектора εἴκελον φλογί, пламеннымъ и порывистымъ, особенно въ бою (Ср. II, XII, 466; XIV, 391; XV, 605). Эта черта эпического Гектора не осталась безъ вліянія и на изображеніе трагика. У Гектора проявляется стремленіе быстро переходить къ дѣлу, онъ иногда спѣшитъ заключеніями, предвосхищаетъ будущее. Отсюда и хвастливость, которая, дѣйствительно, производитъ на насъ нѣсколько расхолаживающее впечатлѣніе.

Но, съ другой стороны, какимъ путемъ показаль бы авторъ зрителямъ, какъ успѣшно идутъ дѣла троянцевъ? Гомеръ показываетъ это уныніемъ среди ахейскихъ вождей; трагикъ, избравъ мѣстомъ дѣйствія троянскій лагерь, стѣсненъ въ средствахъ: онъ долженъ заставлять дѣйствующихъ лицъ, троянцевъ и самого Гектора, говорить о троянскихъ побѣдахъ. Затѣмъ, развѣ похвальбы Гектора пусты? вѣдь онъ, дѣйствительно, многого достигъ, да и трудно было бы изобразить всю силу удара, если бы передъ тѣмъ, какъ онъ обрушился на Трою, сердца не были преисполнены самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на блискую и полную побѣду. Хвастливость это непріятная спутница счастья, сознанія своей силы, своего торжества.

Истинный героизмъ духа проявляетъ Гекторъ въ послѣдней части трагедіи, когда ему приходится быть предметомъ несправедливыхъ и тяжкихъ обвиненій. Десять лѣтъ непрестаннаго труда отдалъ Гекторъ.

πόλει πατρώα συμμάχοις τε 153.

При этомъ онъ не только не возвышалъ троянцевъ передъ союзниками, но даже склоненъ былъ болѣе цѣнить доблесть и помощь союзниковъ. Когда Гекторъ укоряетъ Реса за поздній приходъ, онъ не перечисляетъ ему троянскихъ жертвъ за истекшіе годы, онъ говоритъ только о лишеніяхъ и потеряхъ, которыя терпятъ „чужіе Троѳъ люди“: онъ за нихъ обиженъ на Реса. И вотъ изъ среды этихъ самыхъ людей ему приходится услышать тяжкое обвиненіе въ предательствѣ, да еще изъ алчныхъ видовъ.

Гекторъ, который въ разговорѣ съ Долономъ отказывается даже отъ той единственной доли добычи, о которой когда-то мечталъ; Гекторъ, который на ироническое замѣчаніе Реса отвѣчаетъ, что съ него довольно его царства, оказывается хищникомъ. Герой, который только что самъ обманутъ хитрымъ Одиссеемъ, который готовъ видѣть

двуличность даже тамъ, гдѣ ея нѣтъ, до того чужда и противна ему всякая ложь, — этотъ герой выставленъ въ видѣ тонкаго, дальновиднаго обманщика. Между тѣмъ упреки сложились въ правдоподобную исторію: то, что говорить еракіецъ, дѣйствительно, ужасно. Притомъ упрекъ брошенъ прямо въ лицо и передъ солдатами. Какъ же отвѣчаетъ Гекторъ? Съ гордымъ и спокойнымъ достоинствомъ: „Не дай мнѣ богъ“, говоритъ онъ, „такъ полюбить лошадей, чтобъ изъ-за нихъ рѣзать друзей“ (859—860). Полный мыслей объ общемъ дѣлѣ, онъ болѣе занятъ и теперь мыслью о судьбѣ Долона, чѣмъ разубѣжденіемъ возницы или оплакиваніемъ убитыхъ еракійцевъ. „Ни одной лишней капли крови въ жертву ненавистнымъ ахейцамъ“, — вотъ о чемъ онъ теперь думаетъ. Онъ только отмахивается отъ злобствующаго еракійца, пока тотъ осыпаетъ его упреками, и, повидимому, зрители должны болѣе страдать за него, чѣмъ онъ самъ. Но вотъ раненый, теряя сознание, прощается съ родиной: ему чудится приближеніе смерти. И Гекторъ тотчасъ же протягиваетъ ему руку помощи. Онъ произноситъ при этомъ тѣ знаменательныя слова .. ἄλλε γάρ τεθνηκότων ὄχλος — то-есть, съ насъ довольно убитыхъ, — которыя превосходно передаютъ его настроеніе и объясняютъ, почему такъ мало трогаютъ его упреки, и почему онъ, слушая о Ресѣ, вспомнилъ о Долонѣ. „Ни одной лишней капли крови — ненавистнымъ ахейцамъ“. Человѣкъ дѣла, помощи сказалея тутъ полнѣе и лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ трагедіи.

Оправданіе Гектора произошло въ отсутствіе обвинителя. Раненаго унесли въ царскій дворецъ раньше, чѣмъ появилась муза, открывшая имена убійць. Эту особенность трагедіи отмѣчали одни съ порицаніемъ¹⁾, другіе, напротивъ, съ особенной похвалою²⁾. Во всякомъ случаѣ на самого Гектора оправданіе производитъ столь же слабое впечатлѣніе, какъ и обвиненіе. Когда хоръ выражаетъ радость по поводу того, что муза сняла съ троянцевъ всякое подозрѣніе въ убійствѣ, Гекторъ спокойно замѣчаетъ имъ: „Я зналъ это и раньше, и не надо было вѣщихъ, чтобы открыть, что еракіецъ погибъ благодаря кознямъ Одиссея“³⁾.

1) Fr. Hagenbach a. a. o. p. 25: denique cur discedat ante adventum Musae auriga, cum tamen ab ea audire possit non Hectorem caussam esse infortunii carissimi domini, hoc velim Hartungium vel Gruppium mihi explicare.

2) Группе, наоборотъ, считаетъ это ebenso darstellend und illusorisch, als tief und poetisch. Ariadne, s. 304, cf. P. Albert, l. c. p. 24.

3) 952 sq.

Нѣсколько сильнѣе его затронулъ только упрекъ музы, зачѣмъ онъ такъ усиленно звалъ ея сына; но и здѣсь онъ скромно не напомнилъ о своихъ старыхъ счетахъ съ Ресомъ. Оба они, и Ресь и онъ, поступили правильно, — и этого довольно. Оставаясь на почвѣ дѣла, что можетъ онъ предложить теперь скорбной матери и покойному Ресу — пышныя похороны убитаго? Онъ ихъ и предлагаетъ, сопровождая свое предложеніе простымъ привѣтомъ покойному:

„Прости, товарищъ!

Придя, какъ гость, какъ нищій, ты ушелъ“.

Мы уже говорили о томъ, что Гектора ни на минуту не оставляетъ его энергическое и мужественное настроеніе; но какъ различно звучитъ готовность биться съ врагомъ въ послѣднихъ словахъ его на сценѣ и призывъ къ бою въ самомъ началѣ трагедіи. Въ концѣ передъ нами Макбетъ, на котораго двинулся Донзинанскій лѣсъ и съ которымъ бьется человѣкъ, вырѣзанный изъ утробы матери; а въ началѣ — упоенный побѣдами любимецъ боговъ, котораго по наружности можно смѣшать, пожалуй, съ „хвастливымъ воиномъ“ Плавта. Между Гекторомъ начальнымъ и Гекторомъ заключительнымъ прошла его трагедія.

Ресь — эпонимъ трагедіи, но, конечно, не главный ея герой ¹⁾. Въ строгомъ смыслѣ слова это даже не дѣйствующее лицо трагедіи, а какой-то ночной призракъ, яркое сновидѣніе, которымъ начинается смертельная болѣзнь Гектора. Еврипидъ любилъ рисовать въ своихъ драмахъ эпизодическія появленія благородныхъ людей, обреченныхъ смерти, таковы: Менекей въ „Финикійкахъ“, Макарія въ „Гераклидахъ“, Эвадна въ „Умоляющихъ“. Но появленіе Реса, конечно, не можетъ быть названо эпизодичнымъ: если онъ не главное лицо, то все-же онъ центръ трагедіи, хотя и эмблематическій — это эмблема надеждъ Трои въ ихъ кульминаціонной точкѣ.

Какъ личность, Ресь обрисованъ однотонными чертами. Это — сынъ боговъ, питомецъ вѣщихъ нимфъ и баловень счастья, гордый своею красотой, силой, удачами.

Въ глазахъ критиковъ образъ Реса совершенно испорченъ неумѣренной хвастливостью. „Это хвастунъ изъ ряду вонъ (*jaetator*

¹⁾ Ср. мнѣніе Zirndorfer'a (*De chron. fab. Euripidearum* p. 117), приведенное у Менцера а. а. о. p. 15: *maximam offensionem praebere, quod persona primaria, qui procul dubio ipse Rhesus est, nullas fere toto dramate partes habeat.*

egregius)“, говорить про Реса Гагенбахъ ¹⁾), „и притомъ видно, что поэтъ отнюдь не хочетъ сдѣлать его хвастовство смѣшнымъ: Ресь хвалится всегда серьезно, пространно, говорить-ли онъ о прошлыхъ своихъ подвигахъ, или о предстоящихъ“. Виламовицъ хвастливость Реса называетъ прямо отвратительною ²⁾), а для П. Альберта она затемняетъ въ Ресѣ и великодушіе, и геройскую доблесть, и прелесть характера ³⁾).

По моему, похвалы Реса наравнѣ съ восхваленіями, которыя расточаетъ ему хоръ, должны были показывать зрителямъ, какъ „хороши къ Троѣ боги“; онѣ должны были усилить впечатлѣніе отъ счастья Трои, чтобы дать возможность сильнѣе почувствовать ея несчастье, ея грядущую, уже близкую гибель. При этомъ похвалы Реса, въ смыслѣ эстетическомъ, смягчены слѣдующими двумя обстоятельствами: во первыхъ, Ресь, дѣйствительно, имѣетъ за собой славу; сама Аѳина принимаетъ противъ него быстрыя и энергичныя мѣры: это врагъ исключительный, почти сверхъестественный.

Во вторыхъ, впечатлѣніе отъ хвастливости Реса несомнѣнно ослабляется его юною и благородною экспансивностью. Не естественно-ли также, что у еракійца возникло горькое чувство противъ Гектора, который предположилъ въ немъ изнѣженнаго и неблагодарнаго человѣка, и что это горькое чувство вызвало надменное презрѣніе къ врагамъ, съ которыми троянскій герой бьется безъ рѣшительнаго успѣха вотъ уже десять лѣтъ.

Великодушіе Реса, его довѣрчивая искренность, привязчивость и умѣнье привязывать къ себѣ людей ясно видны не только изъ его словъ и дѣйствій, но и изъ словъ возницы и музы. Вспомнимъ, какъ послѣ тяжелаго разговора съ Гекторомъ онъ довѣрчиво относится къ нему и не принимаетъ никакихъ предосторожностей; вспомнимъ, какъ онъ спѣшилъ въ Трою, не слушая ни мольбы, ни угрозы; вспомнимъ, какъ трогательно привязанъ былъ къ нему его возница (ему и снится Ресь, и проснувшись, онъ сейчасъ же бросается посмотреть, чтоъ стало съ царемъ). Чѣмъ симпатичнѣе Ресь, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе отъ его смерти и тѣмъ несправедливѣе она намъ кажется. Если въ Гекторѣ можно видѣть нѣкоторый намекъ на

¹⁾ 1. с. р. 24.

²⁾ а. а. о. р. 12.

³⁾ 1. с. р. 12.

Макбета, то нельзя-ли провести параллель между гибелью Реса и смертью Густава-Адольфа?

Рядомъ съ трагедіей Реса стоитъ трагедія его матери — музы. Она вынесла стыдъ отъ рожденія сына и потомъ не могла даже лелѣять его дѣтства—у нея отняли Реса, отдавъ на воспитаніе вѣщимъ нимфамъ. Но и потомъ, когда онъ выросъ и сталъ царемъ еракійцевъ и лучшимъ изъ мужей (πρῶτος ἤσθ' ἀνδρῶν), недолго пришлось ей на него любоваться: она должна была проводить героя въ Трою, хотя знала, какая участь тамъ его ожидаетъ. Последняя часть ея трагедіи—это разлука съ убитымъ сыномъ: богиня сама, она не властна ни дать ему безсмертіе, ни умереть съ нимъ,—и вотъ муза создаетъ сыну блестящую, но безрадостную участь царя въ золотыхъ пещерахъ Пангея, замѣняетъ для него смерть холоднымъ и одинокимъ сномъ Вакхова пророка. Но какъ-же разрѣшается трагедія музы на сценѣ, что примиряетъ ее съ ея участіемъ? Состраданіе горю Ѳетиды, о которомъ она говоритъ въ пророческомъ экстазѣ, состраданіе близкому ей горю безсмертной матери смертнаго сына.

Возница Реса не можетъ быть, конечно, названъ простымъ вѣстникомъ. Въ его разказѣ и сценѣ съ хоромъ и Гекторомъ развивается не только Ресова, но и его личная трагедія. Его судьба, сама по себѣ, возбуждаетъ въ насъ и ужасъ, и состраданіе. Можетъ быть, давній противникъ похода, уже давно недоброжелательный къ Гектору за его *μῦθαι ἡρώεσσας*, онъ въ роковую ночь играетъ при Ресѣ роль дядьки. Не крѣпокъ сонъ возницы, но онъ, очевидно, бережетъ не однѣхъ лошадей, а весь этотъ импровизированный лагерь и больше всего довѣрчиваго юнаго царя. Ресь снится ему даже въ томъ яркомъ и страшномъ снѣ, гдѣ дѣйствительность (два хищника, можетъ быть, разказъ о Долонѣ, перереженномъ въ волка, угоняемая и ржущія лошади, короткая и безплодная борьба) такъ тѣсно сплелась съ грезой.

Какія разнообразныя чувства волнуютъ душу возницы, когда, изнемогая отъ раны, онъ, спотыкаясь, идетъ по лагерю разыскивать Гектора: жгучая боль, скорбь по убитомъ, сознаніе позорной гибели еракійцевъ, ужасъ передъ собственной беззащитностью и безпріютностью! Но преобладающее чувство это, конечно, обострившаяся злоба противъ Гектора: она-то и поддерживаетъ угасающія силы раненаго, она-то и гонитъ его искать троянскаго царя; ему невольно и навязчиво рисуется этотъ Гекторъ, спокойно спящій въ своемъ шатрѣ, среди надежнаго караула и въ томъ самомъ крѣпкомъ пан-

църѣ, въ которомъ онъ встрѣтилъ ихъ ночью. Вѣроятно, у еракійца нѣтъ еще полной увѣренности въ томъ, что Гекторъ лично участвовалъ въ злодѣйской расправѣ. Эта увѣренность созрѣваетъ въ немъ мало по малу, подъ вліяніемъ той картины пережитой ночи, которую онъ возсоздаетъ передъ сторожами. Да и сами они, такіе перепуганные, кажутся ему не вполне чуждыми рѣзнѣ: можетъ быть, они только не смѣютъ говорить. Появленіе Гектора, который гдѣ-то пропадалъ, а теперь усиленно гнѣвнымъ тономъ грозитъ смущенной стражѣ, довершаютъ его увѣренность, которая питается впрочемъ не столько наблюдениями, сколько его не утихающею, а наоборотъ, растущею злобой.

Да, все, что только было сдѣлано самаго гнуснаго, сдѣлалъ Гекторъ и притомъ съ самыми низкими цѣлями. Вотъ логика еракійца. О, съ какимъ злорадствомъ безсильный и безпріютный калѣка бросаетъ въ лицо этому могучему и самоувѣренному Гектору свои тяжкіе укоры! Не страшась, зоветъ онъ его и предателемъ, и убійцей. Но черезчуръ натянутые нервы не выдерживаютъ борьбы съ холоднымъ спокойствіемъ Гектора. Теряя сознание, угасающею мыслью возница обращается къ тому, что для него всего дороже, къ далекой родинѣ. Онъ не является свидѣтелемъ оправданія Гектора, но цѣльность его трагедіи отъ этого отнюдь не пострадала. Онъ не могъ бы примириться съ Гекторомъ, хотя бы всѣ девять музъ провозгласили его невиновность: рана отъ потери слишкомъ свѣжа. И въ результатъ не все-ли равно ему, какой врагъ убилъ Реса? Гекторъ виновенъ уже тѣмъ, что заввалъ еракійцевъ, что нахвасталъ своими побѣдами и безопасностью положенія. Если возница покидаетъ сцену ранѣе окончанія пьесы, его трагедія тѣмъ не менѣе вполне завершена. Другъ Реса не можетъ простить троянскому царю, но у тяжело раненаго, въ виду приближающейся смерти, мысль отъ горячаго осужденія невольно обращается къ той Верховной Правдѣ, которой одной открыты истинно виновные и истинно невинные. „Богъ насъ разсудитъ“¹⁾ — вотъ его послѣднія слова на сценѣ и разрѣшеніе его личной трагедіи.

Изъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи я скажу еще нѣсколько словъ объ одномъ, эпизодическомъ—о Долонѣ, котораго почти всѣ критики представляютъ образцомъ жадности и глупости, ставя на счетъ Гектору, что онъ такъ плохо зналъ своихъ троянцевъ.

¹⁾ Δίκη δ' ἐπιστάται.—v. 876.

Долонъ не герой, конечно; но въ трагедіи онъ производитъ болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ въ эпосѣ. Здѣсь нѣтъ его предательства, его трусливыхъ моленій, его низкаго угодничества. Мечта завладѣть конями Ахиллеса нисколько не унижаетъ Долона: въ немъ мы видимъ рядоваго троянца, который завидуетъ исключительной славѣ Гектора и хотѣлъ-бы, чтобы и на него упалъ хоть одинъ лучъ этой славы. Его увѣренность въ успѣхѣ только подчеркиваетъ общее настроеніе троянцевъ до роковой ночи. Заставляя Долона хвалиться, авторъ показываетъ зрителямъ успѣхи троянцевъ, ихъ гордое довѣріе къ своимъ силамъ и къ помощи Зевса и Аполлона.

Роль Долона въ трагедіи не можетъ быть сопоставлена съ ролью Энея или Париса: въ отличіе отъ этихъ ролей, она необходима для драмы, потому что, не узнавъ расположенія царскаго шатра, Одиссей съ Діомедомъ не встрѣтились бы и съ Аоиной, а значить, не окончили бы съ Ресомъ. Кромѣ того, безъ пароля Одиссей бы былъ убитъ, слѣдовательно, не было бы ни личной трагедіи Гектора, ни трагедіи возницы.

Въ заключеніе разбора обращу вниманіе читателей на одно очень поэтическое мѣсто въ лирической части нашей трагедіи (vv. 546 sqq.). Это антистрофа третьяго антракта. Хоръ поетъ о предвѣстникахъ утра:

Καὶ μὴν αἰὼ Σμύοντος
 ἡμένα κοίτας
 φοινίας ὕμνῳ πολυχорδοτάτῃ
 γήρῳ παιδολέτωρ
 μελοποιὸς ἀηδονίς μέριμνα·
 ἤδη δὲ νέμονται κατ' Ἴδαν
 ποίμνια νοκτιβρόμου
 σύριγγος ἰάν κατακούω·
 θέλγει δ' ὄμματός ἔδραν
 ὕπνος· ἄδιστος γὰρ ἔβα
 βλεφάροις πρὸς αὐός.

На фонѣ этой мирной идилліи, съ соловьиной пѣсней и па-
 стушей свирѣлью, подъ дуновеніемъ этого предразсвѣтнаго холодка,
 который клонитъ усталаго сторожа ко сну, готовится кровавая рас-
 права. Замѣчательный поэтический пріемъ, напоминающій наше Пуш-
 кинское: „Тиха украинская ночь“. Вообще же поэтъ въ хоровой
 пѣснѣ третьяго дѣйствія выказалъ большую любовь къ красотѣ и
 рѣдкое въ античномъ мірѣ чувство природы.

Нельзя, кажется, также не слышать въ антистрофѣ и пророческихъ нотъ: παιδολέτωρ μελοποιὸς ἀηδονίς μέριμνα это муза изъ финала трагедіи.

У. Вопросъ объ авторѣ Реса.

Трагедія „Ресь“ дошла до насъ подъ именемъ Еврипида. Въ древнѣйшей гипотезѣ къ этой трагедіи ¹⁾ говорится, между прочимъ, что въ дидаскаліяхъ она записана подлинною, но что нѣкоторые (ἐνιοί) видѣли въ ней уже въ древности произведеніе, Еврипиду не принадлежащее. Кто были эти „нѣкоторые“, опредѣлить, конечно, трудно, но такъ какъ изъ схолій видно, что глава пергамской школы Кратетъ съ Парменискомъ и Дюнисодоромъ и, вѣроятно, Аристархъ не сомнѣвались въ принадлежности нашей трагедіи Еврипиду, значить подъ „ἐνιοί“ слѣдуетъ разумѣть грамматиковъ менѣе значительныхъ и позднѣйшихъ (*inferioris notae*).

Схолиастъ комментируя 528 ст. нашей трагедіи и констатируя астрономическія ошибки поэта прямо говорить: Κράτης ἀγνοεῖν φησι τὸν Εὐριπίδην διὰ τὸ νέον ἔτι εἶναι, ὅτε Ῥῆσον ἐδίδασκε ²⁾. Это мнѣніе одного изъ самыхъ замѣчательныхъ грамматиковъ древности, можно по справедливости назвать классическимъ. Цѣнное само по себѣ, и притомъ исключительное, оно создало цѣлую литературу. Изъ послѣдователей Кратета слѣдуетъ назвать Гартунга, Фатера, Шенкля ³⁾ и Альберта. Всѣ они доказываютъ или признаютъ принадлежность нашего „Реса“ Еврипиду и притомъ считаютъ трагедію эту въ числѣ самыхъ раннихъ его произведеній.

Гартунгъ полагаетъ что трагедія „Ресь“ написана и поставлена Еврипидомъ, когда ему было 20 лѣтъ отъ роду, то есть въ 465 году (если опредѣлять дату рожденія Еврипида по Паросскому мрамору), на другой годъ послѣ попытки афинянь послать колоніи во Фракію. Трагедія и представляетъ восхваленіе Фракіи, τῆς ὑπαρχούρου χθονός ⁴⁾.

Фатеръ—самый прилежный изслѣдователь „Реса“, издавшій текстъ, схолии, комментарий и особое приложеніе въ 168 страницъ подъ названіемъ *Vindiciae* (притязанія). Исходя изъ стиховъ 962 нашей

¹⁾ Nauck, II, 308.

²⁾ P. Albert, I. с. р. 1.

³⁾ Въ разборѣ диссертациі Гагенбаха: *Philol.* XX, 484.

⁴⁾ См. выше.

пьесы ¹⁾, онъ строить предположеніе, что трагедія наша написана, или по крайней мѣрѣ поставлена, въ послѣдній годъ 85-й Олимпіады или въ первый годъ 86-й, когда Гагنونъ основалъ Амфиполь и, по приказанію оракула, похоронилъ кости Песа у рѣки Стримона. Такъ какъ въ это время Еврипиду было уже за 40 лѣтъ, то въ его предположеніи усматривается непримиримое противорѣчіе съ Кратетомъ (*νέον εἶναι... ἐδίδασκε*). Онъ старался примирить свою теорію со словами Кратета, объясняя, что грамматикъ говорилъ о молодости Еврипида неопредѣленно (*laxius*); а также допускаетъ, что, приписывая трагедію юному Еврипиду, Кратеть смѣшалъ имена двухъ архонтовъ: трагедія была поставлена при Лисимахѣ (Ол., 86, 1), а Кратеть отнесъ ее къ архонтству Лисикрата (Ол., 81, 4), когда Еврипидъ, дѣйствительно, былъ еще юнъ ²⁾.

Критики ³⁾ противопоставили теоріи Фатера слѣдующее соображеніе: въ трагедіяхъ Еврипида, опредѣленно относящихся къ ближайшимъ датамъ („Алкеста“ Ол. 52, 2 и „Медея“ Ол. 87, 1) не замѣчается по языку и поэтическимъ приемамъ сходства съ Ресомъ.

Помимо соображеній „вышей“ критики, за принадлежность трагедіи Еврипиду, или вообще пятому вѣку, говорить и тщательность метрической обработки въ этой пьесѣ. Эта тщательность стоитъ внѣ спора и равно признается и даже ставится на видъ двумя антиподами, Фатеромъ и Германномъ. На основаніи однихъ метровъ трагедію нельзя бы было выпустить за грань 89-й Олимпіады ⁴⁾. Главнымъ метрическимъ признакомъ старой трагедіи является осторожность поэта въ разрѣшеніи долгихъ слоговъ ямбическаго триметра (спондей или ямбъ обращаются въ дактиль, анапестъ или трибрахій). Въ трагедіяхъ Еврипида, написанныхъ до 89-й Олимпіады разрѣшеній еще мало: въ „Алкестѣ“ 51 на 774 ямбическихъ стиха, въ „Медѣ“ 71 на 1032 (ср. у Эсхила въ „Агамемнонѣ“ 56 на 889); въ позднѣйшихъ число замѣтно возрастаетъ: въ „Умоляющихъ“ ихъ около 170, въ „Троянкахъ“ 203, въ „Еленѣ“ 390, въ „Орестѣ“ 570. Въ „Ресѣ“ число разрѣшеній приблизительно такое - же, какъ въ

¹⁾ Муза обращается къ Гектору съ указаніемъ на дальнѣйшую судьбу Песа, въ качествѣ будущаго Вакхова пророка: *οὐκ εἶσι γαῖας εἰς μελάγχρον πέδον etc.*

²⁾ Vater, pp. CLX, CLXII; Hagenbach, l. 1., 58 sq.

³⁾ Особенно G. Dindorf p. 586, not.

⁴⁾ Вопросъ о метрической сторонѣ „Реса“ подробно разсмотрѣнъ былъ Шпенглеромъ въ Дюренской программѣ 1857 г. De Rheso tragoedia, pars prior, pp. 23.

„Аянтъ“ Софокла или Эхиловыхъ „Персахъ“¹⁾. Другой метрической признакъ принадлежности нашей трагедіи лучшей аттической порѣ есть совершенство лирическихъ размѣровъ. Карль Лахманнъ на основаніи этого, главнымъ образомъ, и приписывалъ „Реса“ одному изъ ближайшихъ послѣдователей Эхила, который поставилъ свою трагедію приблизительно въ то-же время, какъ Еврипидъ свою „Медею“²⁾.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о метрической сторонѣ „Реса“, въ связи съ вопросомъ объ авторствѣ, представляетъ еще обширное поле для догадокъ. Изъ однихъ и тѣхъ же данныхъ Фатеръ и Шпенглеръ выводятъ тезу объ аттическомъ, а Г. Германнъ и Менцеръ объ александрийскомъ происхожденіи нашей трагедіи.

Изъ числа послѣдователей мнѣнія Кратета самымъ осторожнымъ кажется мнѣ Р. Albert³⁾. Исходя изъ прямыхъ указаній Кратета онъ въ своей диссертации *De Rheso tragoedia* идетъ путемъ отрицательнымъ и разборомъ содержанія и формы трагедіи старается показать, что ничто не мѣшаетъ видѣть въ авторѣ: 1) юношу, 2) Еврипида, въ качествѣ неопытнаго и усерднаго подражателя Эхила.

Сомнѣніе въ принадлежности нашей трагедіи сыну Мнесарха началось еще очень давно, особенно если вспомнить ἐπίους старой гипотезы. Въ новое время Юсифъ Скалигеръ (*proleg. ad Manilium* p. VI sq.⁴⁾) говоритъ уже утвердительно: *auctor Rhesi tragoediae vetustissimus, qui sine dubio non est Euripides*. Велѣдъ за Скалигеромъ надо назвать Нандіонъ⁵⁾ и знаменитаго Валькенаера⁶⁾. Къ ихъ работамъ и не отступая отъ ихъ отрицательной точки зрѣнія придалъ (по собственному признанію) *observatiunculas quasdam* Христіанъ Даниль Бекъ⁷⁾. На новую почву, но въ томъ же направленіи поставили вопросъ о происхожденіи нашей трагедіи Морштадтъ, а за нимъ Готфридъ Германъ. Карль Морштадтъ⁸⁾ первый высказалъ предположеніе, что было двѣ трагедіи „Ресь“, и что наша пьеса

1) Menzer. l. c. p. 28.

2) Carol. Lachmann. *De choric. systemat. trag. gr.* p. 116 sq.

3) См. выше.

4) Цит. по Гаренбаху.

5) *Dissertation sur la tragédie de Rhésus. Mém. d. Litt.* T. X, p. 323 sqq. Paris (см. у Гаренбаха и Даниеля Бека).

6) *Diatribae in Euripidis dramatum perditorum reliquias.* 1768. cc. IX et X.

7) *Exercitatio critica de Rheso supposito Euripidis dramate.* Lipsiae, 1780

8) Car. Morstadt. *Beiträge zur Kritik der dem Euripides zugeschriebenen Tragödie Rhesos.* Heidelberg. 1827.

относится къ александрійскому періоду. Затѣмъ, изъ области вопросовъ высшей критики, онъ обращаетъ вниманіе на недостатки въ обрисовкѣ характеровъ. Вслѣдъ за Валькенаеромъ, онъ не видитъ въ „Ресѣ“ ни намека на высокія качества Еврипидовской поэзіи, а относительно языка указываетъ, что въ этой, предполагаемой, пьесѣ болѣе неупотребительныхъ реченій, чѣмъ во всѣхъ 18 безспорныхъ.

Готфридъ Германнъ ¹⁾ исходитъ изъ положенія о двухъ „Ресахъ“; по его мнѣнію, въ эпоху Аристарха и Кратета, тѣмъ „Ресомъ“, о которомъ говорится въ дидаскаліяхъ, считали не настоящаго, уже утеряннаго, а дошедшаго до насъ, не Еврипидовскаго. Такъ какъ мнѣніе о принадлежности нашего „Реса“ Еврипиду покоится на авторитетѣ именно Кратета (Парменискъ и Діонисодоръ только слѣдовали ему), то Г. Германну приходится расшатывать этотъ авторитетъ. Онъ ставитъ на видъ постоянный антагонизмъ между Кратетомъ и Аристархомъ, погоню Кратета за новизной, а съ другой стороны, совершенно произвольно предполагаетъ, что Аристархъ сомнѣвался въ авторствѣ Еврипида, а Кратетъ въ полемикѣ съ нимъ повторялъ общее мнѣніе. Но какъ же согласовать оригинальничанье Кратета ²⁾ съ его сужденіемъ съ общаго голоса, и затѣмъ, какъ могло сложиться такое прочное общее мнѣніе о новомъ „Ресѣ“ въ эпоху Кратета, если онъ былъ написанъ въ эпоху Ликофрона? На эти вопросы Г. Германнъ намъ не отвѣчаетъ. Соображенія высшей критики убѣждаютъ Германна въ томъ, что авторъ нашей трагедіи жилъ именно въ эпоху Сосіоея и Ликофрона, которые были скорѣе надѣлены грамматическою изощренностью, чѣмъ истинно поэтическимъ творчествомъ, и когда подражаніями они пытались вызвать изъ забвенія аттическую трагедію ³⁾. Готфр. Германнъ, хотя онъ и развилъ мысли Валькенаера и Моршадта, благодаря категоричности своихъ сужденій, долженъ быть, въ вопросѣ объ авторѣ „Реса“, признанъ главой отрицательной партіи. Характерный примѣръ послѣдователя *qui jurat in verba magistri* находимъ мы въ книжкѣ Линдеманна (*progr. Zittaviense, 1834*): *qui illas rationes, quas Hermannus de seriori actate Rhesi deque aperta veterum tragicorum imitatione attulit, vinci posse aut refutari arbitratur, eum non veritatis indagandae, sed ludi faciundi*

¹⁾ См. выше.

²⁾ Объ этомъ P. Albert l. c., 2; Fr. Merschmann. Ueb. d. Frag. Rhesos. Frau-stadt. 1865, p. 8.

³⁾ Opusc. III p. 275.

caussa scribere persuasissimum habeo (p. 16). Независимымъ отъ мнѣнія Г. Германна слѣдуетъ считать мнѣніе К. Готфр. Мюллера¹⁾, который примирялъ несомнѣнно позднее происхождение трагедіи²⁾ съ ея аттическими чертами: авторъ нашего „Реса“, по его гипотезѣ, принадлежалъ школѣ Филокла. Примыкаетъ къ Г. Германну Бернгарди³⁾, который считаетъ „Реса“ произведеніемъ эклектика на начальной грани александрійскаго періода.

Теза о принадлежности „Реса“ классическому періоду, но не Еврипиду была поддержана антиподомъ Германна, Авг. Маттѣ въ 8-мъ томѣ его изданія Еврипида. Авторъ нашего „Реса“ былъ, по его мнѣнію, послѣдователь и подражатель Эсхила и Софокла; въ его произведеніи нельзя найти никакого намѣренія поддѣлаться подъ тонъ Еврипида, и странна даже возможность смѣшать друкъ Ресовъ. Къ мнѣнію Маттѣ присоединяется повидимому Мершманъ⁴⁾.

Опредѣленно приписываетъ ее Софоклу одинъ Группе, который въ своей „Ariadne“ далъ остроумный и одиноко стоящій въ литературѣ разборъ „Реса“⁵⁾. Теза объ авторствѣ Еврипида младшаго допускалась Валькенаеромъ и Воеск'омъ (Princ. graec. trag., p. 229).

Лексическій разборъ „Реса“ несмотря на работы Г. Германна, Гагенбаха, Альберта и другихъ, мало освѣтилъ вопросъ о происхожденіи пьесы. По крайней мѣрѣ Альбертъ и Гагенбахъ, оба изслѣдовавшіе вопросъ самостоятельно, приходятъ къ противоположнымъ утвержденіямъ. Въ результатѣ вопросъ надо оставить открытымъ, и не отвергать свидѣтельства Кратета, пока мы не имѣемъ другаго, ему равноцѣннаго.

¹⁾ Griech. Litteraturgesch. Bd. 2, S. 179.

²⁾ Трагедія требовала во всякомъ случаѣ болѣе трехъ актеровъ.

³⁾ Hist. litt. gr. II, 2, 434—38.

⁴⁾ l. c. p. 8 sq.

⁵⁾ а. а. о. сс. VII—X, особенно pp. 289, 323. Отнош. къ Группе критики весьма суровое: см. у Гагенбаха l. c., p. 56 et not.